

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Филологический факультет
Отделение теоретической и прикладной лингвистики

Малые языки в большой лингвистике

Сборник трудов конференции 2017

Москва
Буки Веди
2018

УДК 811
ББК 81.411.2-02

Малые языки в большой лингвистике. Сборник трудов конференции 2017 /
Ред. Кс. П. Семёнова. – М.: «Буки Веди», 2018. – 216 с. – ISBN 978-5-4465-
2096-1

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Рецензенты:

доктор филологических наук В. И. Беликов
доктор филологических наук Н. Р. Сумбатова

В сборник вошли статьи, написанные участниками конференции «Малые языки в большой лингвистике», состоявшейся на отделении теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова 2-3 ноября 2017 года. Сборник представляет интерес для самого широкого круга лингвистов, а также для антропологов и этнографов.

ISBN 978-5-4465-2096-1

© Авторы, 2018

Оглавление

От редактора.....	7
<i>П. М. Аркадьев</i> Частные вопросы без вопросительных слов: интеррогативные глагольные формы в абазинском языке	9
<i>А. В. Архипов</i> Изменения в селькупском вокализме: частное акустическое исследование	16
<i>И. С. Бурукина</i> Формальная характеристика рефлексива <i>-i'</i> в языке какчикель	23
<i>И. С. Бурукина</i> Семантика и синтаксис интенсификатора <i>ške</i> в горномарийском языке.....	29
<i>О. С. Волков, Д. И. Игнатенко</i> Комплетив и терминатив в амгуэмском говоре чукотского языка	35
<i>Е. В. Деликанова</i> Некоторые наблюдения над порядком слов в баргузинском диалекте бурятского языка.....	42
<i>Д. О. Жорник, С. В. Покровская</i> Документация верхнелозьвинского диалекта мансийского языка	49
<i>Т. С. Зевахина</i> Редупликативы дунганского языка в словаре и тексте	57
<i>Д. М. Зеленский, П. О. Россяйкин</i> Асимметрия по полярности системы причастий возможности баргузинского диалекта бурятского языка	63
<i>И. А. Зибер</i> О консонантизме амгуэмского говора чукотского языка	70
<i>О. Н. Иконникова</i> Номинализованные предикатные комплексы в салишском языке кёр-д'ален в синхронно-диахронном аспекте	77

<i>Е. В. Кашкин, М. А. Сидорова, А. Р. Гарейшина, Д. Д. Мордашова, И. К. Учитель</i>	
Всё =ok: о семантике одной горномарийской энклитики	83
<i>А. А. Кибрик</i>	
Опыт создания списка Сводеша для экзотического языка	91
<i>А. А. Козлов</i>	
Инкорпорация именных зависимых в имя в амгуэмском чукотском	94
<i>Ю. Б. Коряков</i>	
Амшенский армянский: история изучения и современное состояние	100
<i>Ю. В. Мазурова</i>	
Индия – новый ареал на карте полевых исследований	107
<i>Т. А. Майсак</i>	
«Презенс нарушенного ожидания» в андийском языке	112
<i>Н. В. Макеева, А. Б. Шлуинский</i>	
Фактатив в языке акебу	119
<i>А. Е. Маньков</i>	
Диалект села Старошведское: некоторые итоги и перспективы изучения	125
<i>Е. К. Молчанова</i>	
Бесписьменный язык зороастрийский дари в рамках большой иранистики	132
<i>Е. В. Моргунова</i>	
Эллиптическая конструкция с глаголом <i>ti:xə</i> в бурятском языке	138
<i>Г. А. Мороз, С. Ферхеес</i>	
Классы в Зило: экспериментальные данные андийского языка	145
<i>М. А. Овсянникова, О. В. Ханина</i>	
Что происходит с языком, когда на нем перестают говорить? (данные нефинитных форм лесного диалекта энецкого языка)	151
<i>Svetlana V. Orlova</i>	
Semantics of evidential particles in Northern Selkup	159

А. Б. Панова

Сложные предикаты с элементом *-дзыцца-* в абазинском языке:
между морфологией и синтаксисом 167

П. С. Плешак, Т. И. Давидюк

Структура именной и послеложной групп
в горномарийском языке 174

М. Ю. Привизенцева

Множественное падежное маркирование
при эллипсисе существительного:
словоизменение vs. словообразование 181

Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова

Маркирование прямого дополнения и его линейная позиция
в коми-зырянском языке (печорский диалект) 188

Н. М. Стойнова

Система глагольной деривации в ульчском языке:
зона глагольной множественности 196

А. И. Федоренко

Рутульский и цахурский атрибутивизаторы:
гипотеза о встречном развитии показателей 203

И. А. Хомченкова

Частица *=at* в горномарийском языке: синтаксис и семантика 210

От редактора

В настоящий сборник вошли статьи участников конференции «Малые языки в большой лингвистике», состоявшейся на отделении теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова 2–3 ноября 2017 года. Конференция была приурочена к 50-летию школы полевой лингвистики, основы которой заложили А. Е. Кибрик, С. В. Кодзасов и А. И. Кузнецова.

Языки, ставшие объектом исследования, представляют 13 языковых семей и групп из разных частей света — абхазо-адыгскую, атабаскскую, индоевропейскую, ква, майя, монгольскую, нахско-дагестанскую, салишскую, самодийскую, сино-тибетскую, тунгусо-маньчжурскую, финно-угорскую, чукотско-камчатскую.

Не менее разнообразна и проблематика статей — отражение нашли не только явления различных уровней языка, начиная с фонетики (статьи А. В. Архипова и И. А. Зибер) и заканчивая синтаксисом (П. М. Аркадьев, Е. В. Деликанова, Е. В. Моргунова и мн. др.), но и проблемы, непосредственно связанные с процессом изучения и документации малоописанных языков, как практического, так и теоретического характера (статьи Д. О. Жорник и С. В. Покровской, А. Е. Манькова, Е. К. Молчановой, А. А. Кибрика).

Основообразующий элемент сборника (что, впрочем, прямо следует из тематики конференции) — это то, что все работы представляют результаты полевых исследований. В большинстве случаев, речь идёт о языках с малым числом носителей, о языках, находящихся под угрозой исчезновения. В этом отношении невозможно переоценить вклад авторов статей в описание и сохранение языкового многообразия современного мира. Прошедшая конференция, как нам кажется, предоставила столь важную для этих целей площадку, где полевые исследователи — как совсем молодые студенты бакалавриата, так и уже состоявшиеся профессионалы — могли поделиться друг с другом важным опытом и знаниями. Отрадно видеть, что традиция, заложенная полвека назад нашими учителями, живёт и развивается, и очень хочется надеяться, что эта конференция станет регулярной.

Кс. П. Семёнова

Диалект села Старошведское: некоторые итоги и перспективы изучения*

Александр Евгеньевич Маньков
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Гётеборгский университет
mankov2017@gmail.com

Диалект села Старошведское исторически относится к шведским диалектам Эстонии, которые до Второй мировой войны были распространены на полуострове Ноароотси (шведское название — Nuckö), в сёлах Курксе (шв. Korkis) и Вихтерпалу (шв. Vippal) и на островах Моонзундского архипелага: Осмуссаар (шв. Odensholm), Вормси (шв. Ormsö), Суур-Пакри и Вяйке-Пакри (шв. Stora och Lilla Rågöarna), Рухну (шв. Runö), Найссаар (шв. Nargö), Хийумаа (шв. Dagö). Исторически эти диалекты возникли в результате восточно-скандинавской экспансии в восточном направлении (с XIII–XIV вв.), однако в отличие от Исландии и Фарерских островов в Эстонии не сложилось скандинавского литературного языка. В 1782 г. около тысячи шведов — жителей о. Дагё, который тогда принадлежал Российской империи, были переселены на юг Херсонской губернии, где на берегу Днепра было основано поселение, впоследствии получившее название Старошведское (по-шведски Gammalsvenskby, современное украинское название — Зміївка). Все шведские диалекты Эстонии, кроме Старошведского, на данный момент являются вымершими, поэтому диалект Старошведского — это не только единственный живой скандинавский диалект на территории бывшего СССР, но и единственный живой диалект из данной группы.

Наша первая экспедиция в Змиевку-Старошведское-Gammalsvenskby состоялась осенью 2004 года. Она была весьма краткой, цель заключалась в выяснении лингвистической ситуации в селе, т.к. в то время о ней не было известно практически ничего: сохраняется ли скандинавский диалект — тот, на котором говорили основатели села и который восходит к диалекту острова Дагё? Если сохраняется, то что он собой представляет? Кто на нём говорит? С первого же разговора со «старым шведом» (это был ныне покойный Густав Аннас; «старые шведы» — так называют носителей диалекта в селе) нам стало ясно, что диалект сохранился как целостная языковая система, по крайней мере у fluent speakers.

* Работа выполнена в рамках проекта «Диалект села Старошведское: изучение лексики и составление словаря» при финансовой поддержке Фонда развития ПСТГУ.

Он отличается от стандартного шведского языка: основатели села были выходцами не из Швеции и говорили не на литературном языке той эпохи, а на диалекте о. Дагё. С 2004 по 2013 гг. экспедиции проходили каждый год; была поставлена задача как можно более подробного документирования диалекта.

Да начала нашей работы диалект был предметом специального изучения в 1881 и 1904–1905 гг. Его первоисследователем является шведский диалектолог Херман Вендёлль, который приезжал в село летом 1881 г. и собрал там значительный лексический материал для «Словаря шведских диалектов Эстонии» (Freudenthal, Vendell, 1886). Этот словарь остаётся единственным опубликованным источником по лексике диалекта. Позже материал Старошведского был выборочно включён Вендёллем в «Словарь восточношведских диалектов» (Vendell, 1907). В этом словаре представлена лишь незначительная часть диалектной лексики, а именно: те слова, которые отсутствуют в литературном шведском; диалектные слова, имеющие значения, отсутствующие у соответствующих литературных слов; слова, форма которых значительно отличается от литературной (Vendell, 1907, v). Вторым исследователем диалекта был Антон Карлгрен. Он работал в селе зимой 1904–1905 гг. и составил краткое описание фонетики и словоизменения, изданное много лет спустя (Karlgrén, 1953). Несмотря на краткость, статья Карлгрена значительно упростила нашу работу по изучению морфологии диалекта, несмотря на то, что грамматика современного диалекта далеко не идентична описанию Карлгрена. После работы Карлгрена наступил перерыв в более чем 100 лет. По существу, весь XX в. диалект просуществовал в некой серой зоне, сведения о нём ограничивались краткими разнородными заметками, систематической документации не проводилось. Повидимому, о существовании диалекта не было известно московским лингвистам (мы впервые услышали о нём в 2004 г. от директора Российско-шведского центра РГГУ Т.А. Тоштендаль-Салычевой, которая и предложила нам заняться его изучением). Как ни странно, он не изучался и шведскими лингвистами, хотя о самом селе в Швеции хорошо знают с 1980-х гг., когда начались систематические контакты между селом и Швецией. В целом, существование диалекта попросту не замечалось ни властями, ни в академических кругах; использование диалекта, насколько нам известно, никогда официально не запрещалось, но никогда и не поддерживалось. Диалект никогда не использовался в школьном образовании в селе, в том числе до революции. В первые послевоенные годы диалектная речь воспринималась не-носителями враждебно, т.к. диалект ассоциировался с немецким языком. В этом была горькая ирония судьбы, т.к. носители диалекта пострадали от немцев едва ли меньше, чем все остальные жители села. Враждебное отношение к диалекту у окружающих не могло не влиять на отношение к нему самих носителей; кроме того, была свежа память о репрессиях 30-х годов в отношении

шведов села. Всё это привело к тому, что нынешние носители не разговаривали на диалекте со своими детьми, которые родились в 40-е и 50-е годы. Эти дети стали поколением, для которых диалект уже не был первым языком. Ситуацию ещё можно было изменить в 70-е и 80-е годы, когда старшее поколение могло бы говорить на диалекте со своими внуками. Однако этого не произошло. Представители старшего поколения говорили на диалекте только между собой, что по существу явилось лингвистическим самоубийством. «Вам это не нужно знать» — ответ одной из пожилых носительниц на вопрос её внучки, что и на каком языке говорит бабушка, и такое отношение нам приходилось наблюдать лично. В настоящее время диалект находится в условиях между повышенной и максимальной угрозой. Число носителей на сегодняшний день не превышает 10 человек, причём эта группа неоднородна с точки зрения языковой компетенции; выделяются высококомпетентные и среднекомпетентные носители (*fluent and semi-speakers*). Для первых диалект был основным языком в детстве и юности; вторые освоили его во взрослом возрасте в ходе устного общения. Основным языком в селе сейчас является суржик; все носители диалекта свободно говорят по-немецки и по-шведски. Большую часть XX в. носители диалекта не составляли языковой континуум, были окружены другой языковой средой, являясь в ней «островами» и не образуя «материк». Скорее всего, на диалекте в качестве первого языка больше никогда не заговорит ребёнок. Даже если произойдёт возрождение диалекта, он будет выученным языком. В то же время, для высококомпетентных носителей, с которыми мы работали в ходе экспедиций в село, диалект безусловно является высокой ценностью. Все они добросовестно, с удовольствием и активно принимали участие в интервью. Так, Л.А. Утас постепенно стала сама называть незаписанные ранее слова, приводить примеры словоупотребления, а также указывать на неточности и пробелы, становясь таким образом участником исследования собственного языка. При необходимости она неоднократно и медленно повторяла слова и фразы, что дало возможность их тщательно записать и затем проверить. В целом, изучение диалекта оказалось возможным только благодаря содействию носителей и поэтому в значительной степени является их заслугой.

Сфера использования диалекта никогда не выходила за пределы бытового общения дома и в сельской работе. Возможно, раньше существовали сказки, песни, былички и т.п., однако современным носителям они не знакомы: за исключением единичных поговорок и пословиц, нами не было записано никаких образцов устного народного творчества. Имеются отдельные опыты небольших прозаических повествований и стихотворений на диалекте, однако считать это литературой, разумеется, нельзя. Диалект никогда не использовался для каких-либо сообщений в прессе. Таким образом, он во все времена был средством исключительно устного общения. Однако в этой сфере диалект в том его варианте,

на котором говорят высококомпетентные носители, является полностью функциональной системой и полноценно обеспечивает потребности повседневного общения.

В разное время лингвистами использовались по меньшей мере три системы записи диалекта:

— Система, разработанная Венделлем и применяемая в «Словаре шведских диалектов Эстонии». Эта система представляет собой причудливую смесь шведского и исландского алфавитов с добавлением многочисленных особых букв.

— Запись посредством *landsmålsalfabetet* («диалектный алфавит») применяется в работах Карлгрена, а также в «Словаре восточношведских диалектов» Венделля. *Landsmålsafabetet* — это шведский аналог МФА, который был разработан в 1878 г. для фонетической транскрипции шведских диалектов. Он позволяет весьма точно отображать произношение и до сих пор используется в работах по шведской диалектологии. Большинство символов взято, естественно, из латинского алфавита, однако имеется много знаков, которые отличаются как от латинского алфавита, так и от МФА. *Landsmålsafabetet* ориентирован на профессиональных лингвистов-скандинавистов и из-за многочисленных специфических знаков требует специального освоения; кроме того, он требует установки на компьютер особого шрифта.

— Система записи, максимально приближенная к современной шведской орфографии. Она используется в более поздних работах, например в книгах Нильса Тиберга, Эдвина Лагмана и Херберта Лагмана.

В нашей работе мы вначале пользовались МФА, однако по мере расширения материала решили отказаться от записи всех текстов в виде фонетической транскрипции. При переходе к новой системе записи мы исходили из следующих принципов:

— Все буквы должны быть однозначными, т.е. в нашей системе не должно быть случаев, когда одна и та же буква обозначает существенно различающиеся звуки или, наоборот, один и тот же звук обозначается разными буквами.

— Одиночные звуки не должны обозначаться сочетаниями двух или трёх разных букв (но удвоение одной и той же буквы допускается — это необходимо для обозначения долготы согласных, имеющейся в диалекте).

— Количество особых символов и диакритик должно быть сведено к минимуму.

— Система записи не должна требовать значительного освоения; желательно, чтобы она была интуитивно понятной, причём не только лингвистам, но и лицам, не имеющим лингвистического образования, в том числе жителям села.

— Система записи при этом не должна значительно нарушать преемственность традиции и вызывать недоумение у коллег.

— Наконец, она не должна требовать установки на компьютер особого шрифта и не должна создавать технических проблем при публикации.

Также мы решили учесть ещё одно соображение: система записи не должна быть ориентирована исключительно на шведских читателей. Дело в том, что потомки жителей села живут не только в Швеции, но и, например, в Канаде. Кроме того, в самом селе далеко не все жители владеют шведским языком, поэтому желательно, чтобы система учитывала лиц, не владеющих шведской орфографией. По этой причине мы, в частности, отказались от обозначения гласного [u] буквой *o* (ср. шв. *blod* [blu:d] ‘кровь’), а гласного [o] буквой *å*; в нашей системе [o] — *o*, [u] — *u*. Что касается специфических гласных [ɛ], [u:], то мы обозначаем их как *ï*, *ü*; в стандартном шведском соответствующие гласные обозначаются буквой *u*. Заметим, что *ï* используется Венделлем для обозначения того же гласного (однако соответствующий долгий гласный обозначается им как *ü*, что создаёт непоследовательность). Буквы *ä* и *ö* обозначают у нас те же гласные, что в шведском. В шв. *bord* ‘стол’, *kort* ‘короткий’, *kvarn* ‘мельница’, *fors* ‘водопад’ в стандартном случае в конце слышатся одиночные согласные (постальвеолярные *d, t, n, s*), которые в силу исторических причин обозначаются сочетанием двух разных букв (*r + d* и т.д.). Мы обозначаем эти звуки как *d, t, n, s*. В случае, если эти согласные являются долгими, буквы удваиваются. Буква *l* обозначает не постальвеолярное *l*, а согласный другого типа: кончик языка поднимается высоко вверх и затем опускается, один раз касаясь альвеол (ретрофлексный флэп).

Таким образом, если не принимать в расчёт буквы *ä, ö, ü*, обозначение долготы и обозначение ударения, единственной используемой нами диакритикой является точка под буквой, а единственный символ, отсутствующий в латинском алфавите, — *ŋ*. Нам, однако, пришлось сделать одно существенное исключение из принципа «один звук = одна буква». В таких диалектных словах как *djūr* ‘животное’, *vidje* ‘ива’, *gjūd* ‘делал’, *sjānd* ‘с тех пор, как’, *sjün* ‘человек’, *sjäksa* ‘шесть’, *sjäksta* ‘шестнадцать’, *sjō!* ‘душа’, *tjānd* ‘прочь’, *tjölge* ‘вырезать’ в начале слов слышатся не те же согласные, что в шведском, а палатализованные *d, g, n, s, t*. Мы обозначаем их двумя разными буквами: *d + j* и т.д.; это создаёт двусмысленность, однако кажется всё же более удобным, чем введение диакритики или символов. Итак, наша система записи: *a* [a], *ā* [a:], *e* [ɛ], *ē* [e:, ɛ:]¹, *i* [i], *ī* [i:], *o* [o], *ō* [o:], *u* [u], *ū* [u:], *y* [y], *ä* [ɛ, æ], *ā* [ɛ:, æ:], *ö* [œ], *ō* [œ:, ø:]², *ï* [ɛ], *ü* [u:], *äi* [ɛ:i, ɛi], *öü* [œ:u, œü]³. Согласные: *b* [b], *d* [d], *d̥* [d̥], *f* [f], *g* [g], *h* [h], *j* [j], *k* [k], *l* [l], *l̥* [l̥], *m* [m], *n* [n] ([ŋ] перед *k*), *ŋ* [ŋ], *p* [p], *r* [r], *s* [s], *š* [ʃ], *t* [t], *t̥* [t̥], *v* [v], *x* [x], *z* [z], *z̥* [z̥].

¹ *ē* реализуется как дифтонгоид [e:¹] внутри морфем, как в закрытых, так и в открытых слогах: *h[e:¹n]* ‘курица’, [e:¹ra] ‘ухо’; [ɛ:] (долгое закрытое *ē*) встречается в конце морфем: *brē* ‘хлеб’, *brē-är* ‘братья’, *dē-är* ‘мёртвый’.

² [ɛ, æ] и [œ, ø], как краткие, так и долгие, находятся в свободном варьировании.

³ Дифтонги обычно сокращаются перед долгим согласным или группой согласных, при этом второй элемент дифтонгов произносится очень кратко: *g[ɛi]glar* ‘жабры’, [œü]ks-brün ‘бровь’.

Что касается уровня документированности диалекта, то опубликован обзор фонетики (Маньков, 2010а), описание грамматических категорий существительных (2010b), обзор словоизменения (2013а), описание суффиксального словообразования существительных (2013b). Эти работы основаны на материале интервью с теми носителями, которые обладают высоким уровнем языковой компетенции. Исследование других вариантов диалекта и структурных изменений, происходящих в них, начато в статье Маньков 2013с. Славянские заимствования в диалекте были рассмотрены в статьях Д.В. Дяченко (2016, 2017). Социолингвистическими вопросами, а также изменениями, характерными для среднекомпетентных носителей, и проблемами вариативности занимается шведский исследователь Людвиг Форсман (Forsman, 2012; 2014а; 2014b; 2015, 2017). В 2014 г. начата публикация словаря (Маньков, 2014), на сегодняшний день она доведена до конца буквы *К*. В апреле 2018 г. Национальное общество «Контакт со Швецией» (Riksföreningen Sverige-kontakt) в сотрудничестве с Институтом шведского языка Гётеборгского университета организовало проект, посвящённый изучению диалекта; его ближайшей целью является создание электронного словаря.

В заключение следует сказать, что судьба диалекта является частью той беспрецедентной катастрофы исчезновения языков, которая сейчас происходит в мире. В чём конкретные причины того крайне неблагоприятного положения, в котором находится диалект? Прежде всего, это, конечно, катастрофические события первой половины XX в.: и коллективизация, и репрессии 30-х годов, и угон немцами в Германию, и ссылка на спецпоселение в Коми АССР после войны. В результате этих событий нормальный уклад жизни в селе был разрушен; следовательно, диалект лишился своей естественной среды. В нынешнем селе владение диалектом не подкреплено никакими прагматическими соображениями, он существует вне каких-либо систем координат, имеющих практическое значение. Для повседневного общения используется суржик, официальным языком является украинский, для образования необходим украинский, русский и английский, для общения со шведами и для поездок в Швецию — стандартный шведский. Те, кто владеет немецким языком, слышат и используют его в немецкой церкви. Таким образом, единственная «ниша» диалекта — это повседневное общение пожилых носителей. Однако отсутствие прагматического стимула и трагические исторические события являются не единственной и возможно даже не главной причиной упадка диалекта. Спасти язык от вымирания может только интерес, уважение и любовь его носителей к своим корням. Ключевую роль в этом, как нам кажется, играет наличие в сообществе лиц, пользующихся авторитетом и способных внушить устойчивый интерес и уважение к языку. Ими, вероятнее всего, могут быть представители интеллигенции, имеющие, в идеале, гуманитарное образование. В Старошведском среди носителей диалекта в XX веке не было таких людей,

притом что этот век стал именно той эпохой, когда требовалась борьба за сохранение своего языка. Ожидать от простых людей понимания ценности своего языка и необходимости его сохранения не всегда реалистично, особенно на фоне репрессий и лишений.

Литература

- Дяченко Д. В. (2016) Русские и украинские заимствования в диалекте села Старошведское: имена существительные // Коношенко М. Б., Лютикова Е. А., Циммерлинг А. В. (Ред.). Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции. М.: МПГУ. С. 115–130.
- Дяченко Д. В. (2017) Славянские заимствования в современном диалекте села Старошведское: лексические и грамматические процессы // Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Пятой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». М.: ИЯ РАН. С. 66–80.
- Маньков А. Е. (2010а) Диалект села Старошведское // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. № 19. С. 7–26.
- Маньков А. Е. (2010б) Грамматические категории существительного в диалекте села Старошведское // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. № 20. С. 92–111.
- Маньков А. Е. (2013а) Диалект села Старошведское: обзор морфологии // Тоштендаль-Салычева Т. А. (Ред.). Мир шведской культуры: Сборник статей. М.: РГГУ. С. 55–105.
- Маньков А. Е. (2013б) Суффиксальное словообразование существительных в диалекте села Старошведское // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. № 31. С. 21–31.
- Маньков А. Е. (2013с) Проблема структурных изменений в исчезающем языке // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. № 32. С. 30–44.
- Маньков А. Е. (2014) Диалект села Старошведское: опыт составления словаря исчезающего языка (а — brist-bäin) // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. № 38. С. 91–130.
- Forsman L. (2012) The linguistic ecology of the death of Swedish in Ukraine // Koskensalo A., Smeds A. J., Cillia R. de, Huguet A. (Eds.). Language: Competence — Change — Contact. LIT Verlag. P. 221–238.
- Forsman L. (2014а) Svensk etnicitet utan svenskt språk i Gammalsvenskby // Kosunen R., Lepistö K., Rossi P. (Red.). Svenskan i Finland 14. Oulu: Oulun yliopisto. S. 47–60.
- Forsman L. (2014б) Perfektums försvinnande i Gammalsvenskbydialektens slutskede // Svenskans beskrivning 33 (Nordica Helsingiensia 37). P. 63–74.
- Forsman L. (2015) Language shift in Gammalsvenskby: A nexus analysis of the shift to Ukrainian in a traditionally Swedish-speaking community // Journal of Sociolinguistics. № 19 (1). P. 37–61.
- Forsman L. (2017) Variation i en döende språkvarietet. Suffixtilldelning i bestämd form singularis av substantiv i den ukrainasvenska Gammalsvenskbydialekten // Maal og minne. № 2. S. 73–112.
- Freudenthal A.O., Vendell H.A. (1886) Ordbok öfver estländsk-svenska dialekterna. Helsingfors: Tidnings- & tryckeri-aktiebolagets tryckeri.
- Karlgren A. (1953) Gammalsvenskby: Uttal och böjning i Gammalsvenskbymålet. Med kommentarer utgivet av N. Tiberg. Stockholm: P.A. Norstedt & söner.
- Vendell H. (1907) Ordbok över de östsvenska dialekterna. Helsingfors: Tidnings- & tryckeri-aktiebolagets tryckeri.